

УДК 070

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.19019542>

НАРРАТОР В ПОРТРЕТНЫХ ТЕКСТАХ ГАЗЕТЫ «КРЫМСКАЯ ПРАВДА»

Сечин Д. Ю., Маркелов К. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: sechinden26072000@gmail.com, kirillmarkelov@mail.ru*

В статье исследуется роль нарратора в портретных текстах газеты «Крымская правда» в советский (1952–1972 гг.) и постсоветский (2002–2022 гг.) периоды. На материале текстов, классифицируемых в рамках исследования как «портретный текст» и отобранных из апрельских номеров газеты с шагом в 10 лет (всего 6 срезов), анализируются нарративные стратегии репрезентации личности. Выделены четыре типа присутствия нарратора: недиегетический нарратор, «непричастный очевидец», «причастный очевидец» и «репортер». Результаты демонстрируют смену доминирующих стратегий: от абсолютного преобладания недиегетического нарратора в 1952 г. к значительному увеличению доли других типов присутствия. Эта динамика интерпретируется в рамках концепции общественного идеала как индикатор изменения механизмов коммуникации между властными институтами и обществом. Подход к трансляции идеала сдвинулся от канонизированного образа к более диалогичным и субъективированным формам репрезентации.

Ключевые слова: нарратор, портретный текст, медиарепрезентация, общественный идеал, «Крымская правда».

ВВЕДЕНИЕ

Печатные медиатексты, фокусирующие внимание читателя на репрезентации личности, являются важным инструментом конструирования публичного образа человека, который, в свою очередь, выступает носителем социальных ценностей и идеалов. Концепция общественного идеала К. В. Маркелова [5], рассматривающая его как источник общественной мотивации и, поэтому, как объект направленной информационной политики, для эффективной коммуникации между властными институтами и обществом требует от медиа способности артикулировать общие цели через убедительные образы. Исходя из этой гипотезы, смена стратегий репрезентации является индикатором смены подходов к формированию общественного идеала. В данном исследовании используется понятие «портретного текста» как метажанра газетной публицистики и нарратологический инструмент для анализа роли нарратора и степени его вовлеченности в создаваемый мир печатного медиатекста.

Цель исследования – выявить роль нарратора и сравнить нарративные стратегии в портретных текстах газеты «Крымская правда» в советский (1952–1972 гг.) и постсоветский (2002–2022 гг.) исторический период для определения их связи с эволюцией механизмов формирования общественного идеала.

Задачи исследования:

Обосновать релевантность понятия «портретный текст» как метажанра печатных медиатекстов и нарратологического подхода для анализа медийной репрезентации личности.

Разработать модель анализа роли нарратора в портретных текстах газеты «Крымская правда».

Провести количественный анализ корпуса текстов для выявления доминирующих нарративных стратегий.

Интерпретировать результаты в контексте теории общественного идеала.

Материалом для исследования послужили портретные тексты, опубликованные в апрельских номерах газеты «Крымская правда» в 1952, 1962, 1972, 2002, 2012 и 2022 гг., всего 86 текстов.

В исследовании использовался комплекс **методов и подходов**: 1) нарратологический подход для исследования повествовательных структур; 2) количественный контент-анализ для подсчета доли участия нарратора в каждом историческом срезе; 3) сравнительно-исторический метод; 4) интерпретативистский подход.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В классических жанровых типологиях печатных медиатекстов, фокусирующихся на личности человека, в качестве основных выделяют жанры портретного очерка, портретной зарисовки, биографического интервью, некролога [3; 4; 11]. Границы жанров, особенно в выборках с широкими временными рамками, часто оказываются размытыми и подвижными [1; 9], при этом тексты сходны по двум критериям: тематическому (фокус на личности) и функциональному (создание медийной репрезентации этой личности). В данной работе вводится и используется понятие «портретный текст» как метажанр, то есть как наджанровый конструкт, объединяющий тексты на основе общего системообразующего признака – образа конкретного человека (героя текста). Такой подход позволяет исследовать устойчивые закономерности всего корпуса текстов о личности в газете «Крымская правда» в двух длительных исторических периодах.

В каждом портретном тексте базово есть герой и он совершает определенные действия, с ним происходят некоторые события или, как минимум, ему приписываются определенные характеристики. Для анализа такого рода повествования выглядит перспективным использование нарратологического инструментария. Под ним понимается совокупность методов для анализа повествовательных структур, таких как сюжет, фокализация, образ нарратора. Применение нарратологического подхода к анализу портретных текстов требует четкого определения методологического потенциала и неизбежно возникающих ограничений. Понятие «нарратив» широко используется в гуманитарных науках, при этом вследствие разнообразия интерпретаций возникает терминологическая нечеткость. Отмечается, что происходит «фактическое приравнивание нарратива к теме, тексту и др.» [8, с. 79]. Поэтому в рамках исследования необходимо операционализировать данное понятие с опорой на его атрибутивные характеристики и в применении к специфике медийного портретирования.

Теребков выделяет базовые атрибуты нарратива: причинно-следственная событийная цепь, целостность, ретроспективность и присутствие нарратора [10]. Первый пункт укладывается в классическое структуралистское понимание нарратива, идущее от Аристотеля и актуализированное Р. Бартом. Классик нарратологии Ж. Женетт аналогично определяет повествование как «изображение одного или нескольких последовательных событий, реальных или вымышленных, посредством языка, и, в частности, языка письменного» [10, с. 115]. Однако портретный текст не всегда разворачивается как темпорально упорядоченная и причинно связанная последовательность событий. В его основе лежит сложный процесс репрезентации личности героя, а событийность носит иллюстративный характер, не выступая как самодостаточный элемент. Причинность приобретает особую форму – она направлена не столько на связь событий самих по себе, сколько на демонстрацию того, как события и обстоятельства обусловили качества героя или как его характер породил определенные

поступки. Это согласуется с позицией З. А. Ушниковой, которая указывает, что нарратив может быть не только пересказом событий, но и «зарисовкой характера», при этом главное, что «автор рассказывает нам “правду” о чем-то», включая «глубину проникновения в причины и значения событий, в мотивы и оценки действий персонажей» [12, с. 184]. Данный подход также коррелирует с подходом С. Ааре, в котором одной из характеристик репортажа (то есть нарративного печатного медиатекста) выбирается наличие элементов сцены, которые обладают миметической природой, и она тем сильнее, чем больше транслируется внутренний мир героя [14].

Критерий целостности выполняется вследствие решения коммуникативной задачи портретного текста – создания целостного образа героя. По триадической модели П. Рикера нарратив рассматривается как инструмент осмысления человеческого опыта через три стадии: префигурацию, конфигурацию и рефигурацию, где для портретного текста ключевой оказывается вторая. На ней при «упорядочивании фактов в систему» [10, с. 114] происходит не выстраивание классического последовательного сюжета, а сюжета-характера. Отдельные события, факты биографии, качества и поступки героя отбираются и выстраиваются в единую смысловую сущность.

Нарратор (он же повествователь), который, «выражая присутствие субъекта, выступает центром смыслового центрирования и детерминантой типа причинности, заложенного в нарративе» [10, с. 117], присутствует в каждом портретном тексте. Инстанция нарратора там не просто рассказывает, но и оценивает, интерпретирует, конструируя тем самым образ героя. Это позволяет рассматривать портретные тексты не как способ объективного отражения личности, а как нарратив, где форма и содержание обязательно связаны с коммуникативной установкой и позицией повествователя. Вслед за А. И. Милостивой, понятия нарратора и автора (или, по крайней мере, того человека, именем которого подписан материал в газете) в портретном тексте отождествляются [6], поскольку любой печатный медиатекст подразумевает эквивалентность этих фигур в виду его декларируемой реалистичности.

Наконец, последний атрибут, о котором пишет Терехов – ретроспективность, выражающийся в доминировании простого прошедшего времени, может быть подвергнут критике. Ааре, напротив, критерием повествовательности считает подачу, когда «события и действия описываются как продолжающиеся» [15, с. 687]. Более того, исследователи выделяют в русском языке особое использование настоящего времени в нарративе – настоящее историческое, или, как его называет Е. В. Падучева – настоящее нарративное, когда для повествования о событиях в прошлом используются глаголы настоящего времени [7]. Под ретроспекцией в рамках исследования будет пониматься временная дистанция между моментом повествования и моментом описываемых событий или моментом приобретения автором соответствующего знания о герое, что справедливо для любого печатного медиатекста.

Таким образом, портретные тексты можно классифицировать как нарратив с определенными ограничениями, наложенными отсутствием причинно-следственной организации. Классические инструменты, исследующие развитие действия в его событийном понимании, оказываются недостаточными для анализа. Несмотря на это, нарратология предлагает богатый аппарат для анализа тех аспектов, которые связаны (в терминах Шмида) с повествовательной инстанцией, то есть с репрезентацией нарратора.

Тип повествовательной инстанции означает, по сути, принадлежность нарратора к миру текста и степень его присутствия там. Шмидом, с опорой на теорию Женетта,

предложена фундаментальная дихотомия с разделением на диегетического и недиегетического нарратора [13]. В этой концепции диегетический нарратор существует в двух планах одновременно:

- 1) как субъект повествования вне истории;
- 2) как объект изображения в истории, то есть как участник событий.

Недиегетический нарратор не является участником событий. Такое разделение, по мнению Шмида, методологически более надежно, чем деление по грамматической форме (на повествование «от первого» и «от третьего лица»), поскольку форма не является прямым индикатором нарративной функции [13]. Тем не менее, для анализа корпуса портретных текстов представленная бинарная оппозиция требует детализации в части диегетического нарратора, поскольку степень и характер его участия в истории могут существенно варьироваться. В работе А. И. Милостивой демонстрируются различные подходы анализа (от Л. В. Татару, М. П. Брандес, К. А. Долинина, Е. В. Падучевой), разработанные для художественных текстов и часто не образующие единой логической шкалы [6]. Для реализации задач нашего исследования наиболее релевантной выглядит типология С. Лансер [13, с. 90–93], где предлагается не простая дихотомия, а спектр из шести позиций, выстроенных по нарастанию степени вовлеченности нарратора в диегезис:

- 1) непричастный нарратор (не присутствует в истории, соответствует недиегетическому нарратору по Шмиду);
- 2) непричастный очевидец (присутствует, но не участвует);
- 3) очевидец-протагонист (присутствует и является инициатором некоторых действий, но не центральных);
- 4) второстепенный персонаж;
- 5) один из главных персонажей;
- 6) главный герой.

Однако, в рамках портретного текста градация Лансер представляется частично избыточной. Нарратор не может являться главным героем по определению, только одним из персонажей, как это происходит в классическом репортаже с повествованием от первого лица. Границы между очевидцем-протагонистом и второстепенным персонажем в портретном тексте также размыты из-за смещения фокуса на фигуру героя. В этой связи нами предлагается следующая шкала, пронумерованная с нуля для случая полной непричастности нарратора:

- 0) недиегетический нарратор;
- 1) непричастный очевидец;
- 2) причастный очевидец;
- 3) репортер.

В контексте концепции общественного идеала степень и характер присутствия нарратора в портретном тексте моделируют тип коммуникации между властными институтами (журналистом как их представителем) и обществом. Выбор нарративной инстанции определяет дистанцию и доверие. Недиегетический нарратор выступает от имени самой системы социальных норм или государственной идеологии. Такое повествование конструирует героя как заверченный пример, демонстрируя общественный идеал как данность, как безупречный образец, который не подлежит

обсуждению. Диегетический нарратор меняет природу коммуникации. В нарратив вводится субъективность и личный опыт, что смещает акцент на процесс поиска и верификации идеала. Через нарратора, который может взаимодействовать с героем, высказывать собственное мнение, идеал представляется как подвижная концепция, открытая для осмысления и критики. Такая модель коммуникации важна для корректировки идеала в меняющихся условиях. Она снижает барьер между властным дискурсом и аудиторией, позволяет «очеловечить» транслируемые смыслы.

Как пишет Г. А. Жиличева, индексами (то есть указателями) нарративной стратегии, которой является и присутствие нарратора, служат формальные элементы повествования – дейксисы, временные планы, металеписы [2].

«Непричастный очевидец» (степень участия равна 1) никак не влияет на события текста, но может выражать собственное, неперсонифицированное мнение или проявляться через отдельные, необязательные:

1) дейксисы, выраженные местоимениями, в том числе притяжательными «мой», «наш»:

*Алексей Павлович Пономарев пришел на **наше** предприятие десять лет тому назад, когда это еще были электроарматурные мастерские («Беспокойный человек», 4 апреля 1962).*

*Хотим на страницах «Крымской правды» рассказать о замечательном человеке, **нашем** соседе Василии Фоменко. Ему исполняется 90 лет («Авиатор и агроном», 14 апреля 2012).*

*А между тем именно из-за этого помещения **нам** пришлось еще раз поближе познакомиться с начальником управления местной и топливной промышленности тов. Манойловым и узнать цену его словам («Тов. Манойлову некогда», 11 апреля 1962).*

2) глагольные формы первого лица единственного и множественного числа:

***Оговоримся** сразу: в этом повествовании имеются досадные неточности. Оставил зоотехническую ниву Федор Ефимович не в 1956 году, а значительно раньше («Ерохин помогает селу», 4 апреля 1962).*

3) безличные предложения с имплицитным говорящим:

*Особенно **запомнился** ([мне]. – Прим. автора) момент, когда юные ленинцы принимали иностранных студентов в почетные пионеры. Наш Юсеф стоял счастливым и смущенным, на груди у него алел красный галстук («Наш Юсеф», 21 апреля 1972).*

4) риторические восклицания и пожелания:

*Нет, что ни говорите, а все-таки нелегко работать врачом стоматологом!..
...Счастливой, большой дороги, новых трудовых высот тебе, Людмила!
(«Слово о делегате», 17 апреля 1962).*

«Причастный очевидец» (степень присутствия равна 2):

1) участвует в некоторых событиях текста, намеренно не иницируя их:

Случился однажды со мной приступ бронхиальной астмы. «Скорая помощь» на вызов опаздывала. Тогда жена обратилась к соседке:

– Светланочка, что делать?

Девушка буквально прилетела в нашу квартиру. Она знает, что полагается делать в таких случаях («Сердце Светланы», 29 апреля 1962).

2) не присутствует в событиях текста, но эмоционально переживает их:

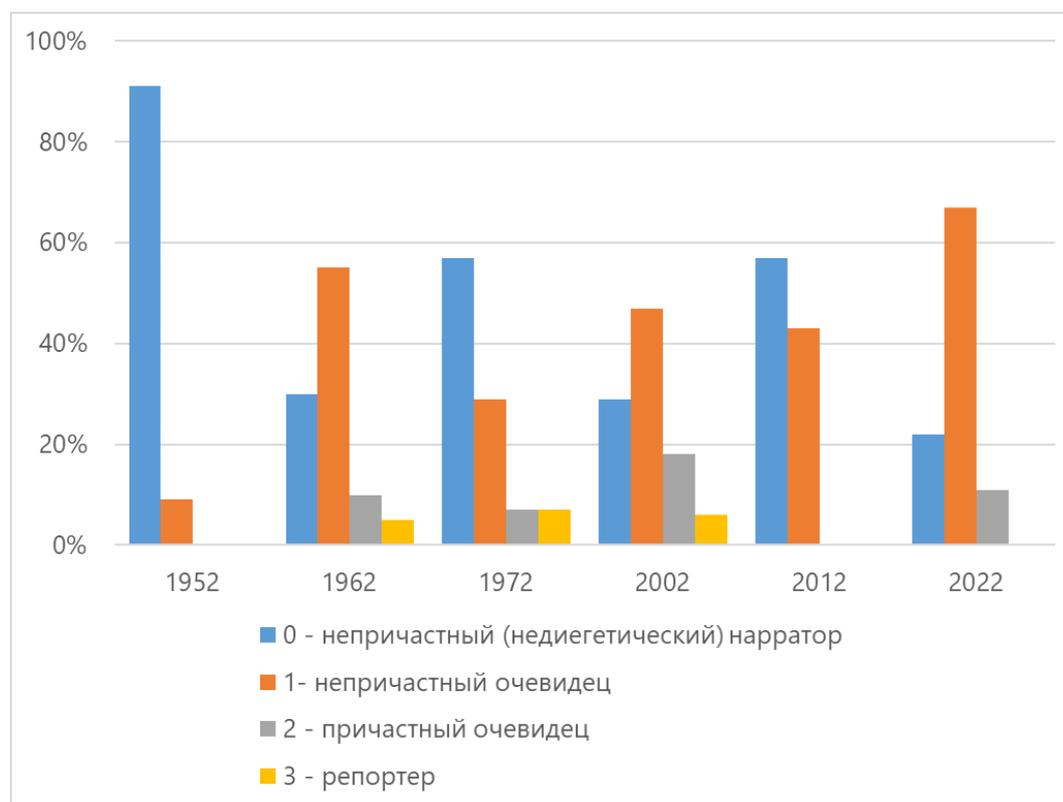
Теперь нет и Леонарда Кондрашенко.

Как нам это пережить? Кто теперь свяжет воедино прошлое и настоящее? У кого спросить совета? От кого зарядиться энергией и оптимизмом? («Памяти друга», 17 апреля 2002).

Метафора «репортер» (степень присутствия равна 3) выбрана для описания соответствующего «репортерского» подхода к написанию текста, когда нарратор ведет повествование от первого лица, инициирует события в тексте, участвует в них или наблюдает лично. Также нарратор может беседовать с другими персонажами. Портретное интервью является случаем с максимальным, предельным присутствием нарратора.

Как показывают приведенные примеры, индексы меньшей степени нарративного присутствия часто оказываются вложенными в индексы большей степени. Следовательно, именно максимальный по степени присутствия индекс следует считать определяющим для всего текста. Отсутствие индексов является признаком недиегетического повествования.

Определялась доля текстов с каждым из четырех типов присутствия, результаты приведены на Рис. 1.

Рис. 1. Присутствие нарратора в текстах

ВЫВОДЫ

Результаты выявляют следующие особенности нарратива портретных текстов в газете «Крымская правда» за исследуемый период: срез за 1952 год демонстрирует тотальное доминирование недиегетического повествования (91%), тогда как все остальные срезы демонстрируют существенно более высокую долю текстов с диегетическим нарратором, особенно со степенью 1 – «непричастным очевидцем». Первый срез соответствует этапу жесткой канонизации и монологической трансляции идеала сталинской эпохи. Герой там предстает объективированным образцом, принадлежащим к общей для всех, безусловной системе ценностей. В период «оттепели» происходит рост доли нарратора-очевидца, что свидетельствует об «очеловечивании» повествования. В него внедряются элементы индивидуального или, скорее, коллективного наблюдения, что сближает героя с аудиторией, придает его образу большую убедительность и диалогичность. Такой подход в репрезентации сохраняется по настоящее время, хотя изменилось отождествление причастного нарратора с группой: если в советское время обращение «мы» подразумевает «народ», «трудящиеся», то в постсоветское «мы» относится максимум к редакции или узкому коллективу.

Список литературы

1. *Добросклонская Т. Г.* Типологическое описание медиатекстов в системе медиалингвистики // Медиалингвистика. – 2014. – № 3. – С. 17–21.
2. *Жиличева Г. А.* Способы риторической индексации нарративной стратегии (на материале романов К. Вагинова и Б. Пастернака) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2014. – № 2 (26). – С. 134–140.
3. *Зеленина Е. В.* «Портрет героя»: ценностно-смысловые и творческие аспекты // Вопросы теории и практики журналистики. – 2014. – № 2. – С. 33–52.
4. *Ким М. Н.* Жанры современной журналистики. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2004. – 335 с.
5. *Маркелов К. В.* Информационная политика и общественный идеал. – М.: Изд-во РАГС, 2005. – 264 с.
6. *Милостивая А. И.* Журналист как диегетический повествователь (опыт социокультурного анализа расследовательских репортажей Г. Вальрафа) // Политическая лингвистика. – 2017. – № 3 (63). – С. 69–76.
7. *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.
8. *Петров Е. Ю., Саркисова А. Ю. и др.* Методология извлечения нарративов из больших массивов данных социальных сетей // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2024. – Т. 15. – № 3. – С. 404–420.
9. *Савченко Л. В.* Проблемы трансформации жанров и их идентификации в теории и практике журналистики // Universum: филология и искусствоведение. – 2018. – № 4 (50). – С. 21–23.
10. *Теребков А. С.* К вопросу о трактовке феномена нарратива в современном гуманитарном знании. Сущность и истоки // Омский научный вестник. – 2012. – № 3 (109). – С. 114–117.
11. *Тертычный А. А.* Жанры периодической печати: Учеб. пос. для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 350 с.
12. *Ушникова Э. А.* К проблеме определения нарратива // Вестник Читинского государственного университета. – 2006. – № 4(41). – С. 182–185.
13. *Шмид В.* Нарратология: Монография. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
14. *Aare C.* A narratological approach to literary journalism: how an interplay between voice and point of view may create empathy with the other // Literary Journalism Studies. – 2016. – Т. 8. – № 1. – С. 106–139.
15. *Aare C.* A narratological investigation of eyewitness reporting: how a journalistic mission affects narrative structures of the text // Brazilian Journalism Research. – 2018. – № 14 (3). – P. 676–699.

References

1. Dobrosklonskaja T. G. *Tipologicheskoe opisanie mediatekstov v sisteme medialingvistiki* [Typological description of media texts in the system of media linguistics]. *Medialingvistika*, 2014, no. 3, pp. 17–21.
2. Zhilicheva G. A. *Sposoby ritoricheskoy indeksacii narrativnoj strategii (na materiale romanov K. Vaginova i B. Pasternaka)* [Methods of rhetorical reajustments of the narrative strategy (a case study of K. Vaginov's and B. Pasternak's novels)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija*, 2014, no. 2(26), pp. 134–140.
3. Zelenina E. V. «*Portret geroja*»: *cennostno–smyslovye i tvorcheskie aspekty* [«Hero's portrait»: value-semantic and creative aspects]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2014, no. 2, pp. 33–52.
4. Kim M. N. *Zhanry sovremennoj zhurnalistiki* [Genres of modern journalism]. St. Petersburg, Mihajlov V. A. Publ., 2004. 335 p.
5. Markelov K. V. *Informacionnaja politika i obshhestvennyj ideal* [Information policy and social ideal]. Moscow, RAGS Publ., 2005. 264 p.
6. Milostivaja A. I. *Zhurnalist kak diegeticheskij povestvovatel' (opyt sociokriticheskogo analiza rassledovatel'skih reportazhej G. Val'rafa)* [Journalist as diegetic narrator (an experience of socio-critical analysis of investigative reports by G. Wallraff)]. *Politicheskaja lingvistika*, 2017, no. 3(63), pp. 69–76.
7. Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovanija: Semantika vremeni i vida v russkom jazyke; Semantika narrativa. 2–e izd., ispr. i dop.* [Semantic studies: Semantics of tense and aspect in Russian; Remantics of narrative. 2nd ed., corrected and supplemented]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2010. 480 p.
8. Petrov E. Ju, Sarkisova A. Ju. et al. *Metodologija izvlechenija narrativov iz bol'shikh massivov dannyh social'nyh setej* [Methodology for extracting narratives from social media big data]. *MIR (Modernizacija. Innovacii. Razvitiie)*, 2024, vol. 15, no. 3, pp. 404–420.
9. Savchenko L. V. *Problemy transformacii zhanrov i ih identifikacii v teorii i praktike zhurnalistiki* [Problems of transformation of genres and their identification in the theory and practice of journalism]. *Universum: filologija i iskusstvovedenie*, 2018, no. 4(50), pp. 21–23.
10. Terebkov A. S. *K voprosu o traktovke fenomena narrativa v sovremennom gumanitarnom znanii. Sushhnost' i istoki* [To the question of interpretation of the phenomenon of narrative in modern humanitarian knowledge. Essence and origins]. *Omskij nauchnyj vestnik*, 2012, no. 3(109), pp. 114–117.
11. Tertychnyj A. A. *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of the periodical press]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2014. 350 p.
12. Ushnikova Je. A. *K probleme opredelenija narrativa* [On the problem of defining narrative]. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, no. 4(41), pp. 182–185.
13. Schmid V. *Narratologija* [Narratology]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2003. 312 p.
14. Aare C. *A narratological approach to literary journalism: how an interplay between voice and point of view may create empathy with the other*. *Literary Journalism Studies*, 2016, vol. 8, no. 1, pp. 106–139.
15. Aare C. *A narratological investigation of eyewitness reporting: how a journalistic mission affects narrative structures of the text*. *Brazilian Journalism Research*, 2018, no. 14(3), pp. 676–699.

NARRATOR IN PORTRAIT TEXTS
OF THE NEWSPAPER “KRYMSKAYA PRAVDA”

Sechin D. Yu., Markelov K. V.

This article examines the role of the narrator in portrait texts published by the newspaper Krymskaya Pravda during the Soviet (1952–1972) and post-Soviet (2002–2022) periods. Using texts classified as "portrait texts" and selected from the newspaper's April issues at 10-year intervals (a total of six samples), the article analyzes narrative strategies for representing the individual. Four types of narrator presence are identified: non-diegetic narrator, "independent eyewitness," "independent eyewitness," and "reporter." The results demonstrate a shift in dominant strategies: from the absolute predominance of the non-diegetic narrator in 1952 to a significant increase in the share of other types of presence. This dynamic is interpreted within the framework of the concept of a social ideal as an indicator of changing communication mechanisms between government institutions and society. The approach to the transmission of the ideal has shifted from a canonized image to more dialogic and subjectivized forms of representation.

Keywords: narrator, portrait text, media representation, social ideal, “Krymskaya Pravda”.